

(1) Это была обыкновенная школьная тетрадка для рисования, найденная мною в куче мусора. (2) Все её страницы были разрисованы красками, прилежно, тщательно и трудолюбиво. (3) Я перевертывал хрупкую на морозе бумагу, заиндевелые яркие и холодные наивные листы.

(4) И я рисовал когда-то — давно это было, — примостясь у керосиновой лампы на обеденном столе. (5) От прикосновения волшебных кисточек оживал мёртвый богатырь сказки, как бы спрыснутый живой водой. (6) Акварельные краски, похожие на женские пуговицы, лежали в белой жестяной коробке. (7) Иван Царевич на Сером Волке скакал по еловому лесу. (8) Ёлки были меньше Серого Волка. (9) Иван Царевич сидел верхом на Волке так, как эвенки ездят на оленях, почти касаясь пятками мха. (10) Дым пружины поднимался к небу, и птички, как отчёркнутые галочки, виднелись в синем звёздном небе.

(11) И чем сильнее я вспоминал своё детство, тем яснее понимал, что детство моё не повторится, что я не встречу и тени его в чужой ребяческой тетради.

(12) Это была грозная тетрадь — она поразила меня.

(13) Северный город был деревянным, заборы и стены домов красились светлой охрой, и кисточка юного художника честно повторила этот жёлтый цвет везде, где мальчик хотел говорить об уличных зданиях, об изделии рук человеческих.

(14) В тетрадке было много, очень много заборов. (15) Люди и дома почти на каждом рисунке были огорожены жёлтыми ровными заборами, обвитыми чёрными линиями колючей проволоки. (16) Железные нити казённого образца покрывали все заборы в детской тетрадке.

(17) Около забора стояли люди. (18) Они не были ни крестьянами, ни рабочими, ни охотниками — это были конвойные и часовые с винтовками. (19) Дождевые будки-грибы, около которых юный художник разместил конвойных и часовых, стояли у подножья огромных караульных вышек, и на вышках ходили солдаты, блестели винтовочные стволы.

(20) Тетрадка была невелика, но мальчик успел нарисовать в ней все времена года своего родного города.

(21) Яркая земля, однотонно-зелёная, и синее-синее небо, свежее, чистое и ясное. (22) Закаты и восходы были добротны алыми, и это, конечно, не было детским неумением найти полутона, цветовые переходы, раскрыть секреты светотени.

(23) Сочетания красок в школьной тетради были правдивым изображением неба Дальнего Севера, краски которого необычайно чисты и ясны и не имеют полутонов.

(24) И в зимних рисунках ребёнок не отошёл от истины. (25) Зелень исчезла. (26) Деревья были чёрными и голыми. (27) Это были лиственницы, а не сосны и ёлки моего детства.

(28) Шла северная охота; зубастая немецкая овчарка натягивала поводок, который держал в руке Иван Царевич. (29) Он был в шапке-ушанке военного образца, в белом овчинном полушубке, в валенках и в глубоких рукавицах — крагах, как их называют на Дальнем Севере. (30) За плечами Ивана Царевича висел автомат. (31) Голые треугольные деревья были затыканы в снег.

(32) Ребёнок ничего не увидел, ничего не запомнил, кроме жёлтых домов, колючей проволоки, вышек, овчарок, конвоиров с автоматами и синего-синего неба. (33) Эта тетрадь для рисования отражала суровый внутренний мир юного художника.

(По В. Т. Шаламову)*

* * Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) — русский советский писатель, прозаик, поэт.

В каком варианте ответа содержится информация, необходимая для обоснования ответа на вопрос: «Почему автора-рассказчика поразила детская тетрадь с рисунками?»

1) «Все её страницы были разрисованы красками, прилежно, тщательно и трудолюбиво».

2) В тетради он нашёл таких же сказочных персонажей, которых любил сам рисовать в детстве, – Ивана Царевича и Серого Волка.

3) «Сочетания красок в школьной тетради были правдивым изображением неба Дальнего Севера, краски которого необычайно чисты и ясны и не имеют полутонов».

4) «Ребёнок ничего не увидел, ничего не запомнил, кроме жёлтых домов, колючей проволоки, вышек, овчарок, конвоиров с автоматами и синего-синего неба».